

Научная статья

УДК 398.8 (811.51)

DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-409-429

**К изучению поэтики песенного фольклора
народов Поволжья (на материале
экспериментального атласа звучащих текстов)**

**Павел Сергеевич Шахов¹, Екатерина Игоревна Исмагилова²
Наталья Владимировна Леонова³, Игорь Васильевич Зубов⁴
Ирина Вячеславовна Пчеловодова⁵**

^{1, 2} Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

³ Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки
Новосибирск, Россия

⁴ Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
Саранск, Россия

⁵ Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра
Уральского отделения Российской академии наук
Ижевск, Россия

¹ pashahoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2023-8185>

² zhimul@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5135-865X>

³ nleonova53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9350-8265>

⁴ komoro@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2836-7969>

⁵ orimush@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5553-0100>

Аннотация

На основе выборки образцов песенного фольклора народов Поволжья (мордвы-эрзи, мордвы-мокши, удмуртов и чувашей) автохтонного и сибирского бытования, размещенных в «Атласе звучащих фольклорных текстов» (URL: <https://folkmap.philology.nsc.ru>), осуществленной с помощью тематического фильтра на карте и инструмента полнотекстового поиска, в работе охарактеризованы

© Шахов П. С., Исмагилова Е. И., Леонова Н. В.,
Зубов И. В., Пчеловодова И. В., 2025

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 409–429

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2025, no. 1, pp. 409–429

особенности реализации в песенном фольклоре некоторых понятий, относящихся к тематическим сферам «о стихиях», «о природе», «о птицах», «о животных». Наблюдения и полученные результаты позволяют определить перспективы дальнейшей разработки комплексного изучения разноязычной поэтики песенного фольклора.

Ключевые слова

песенный фольклор, поэтика, народы Поволжья, автохтонное бытование, сибирское бытование, фольклорный атлас

Для цитирования

Шахов П. С., Исмагилова Е. И., Леонова Н. В., Zubov И. В., Пчеловодова И. В. К изучению поэтики песенного фольклора народов Поволжья (на материале экспериментального атласа звучащих текстов) // Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 409–429. DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-409-429

On the Study of the Poetics of Song Folklore of Peoples of the Volga Region (Based on the Experimental Atlas of Sounding Texts)

Pavel S. Shakhov¹, Ekaterina I. Ismagilova², Natalya V. Leonova³
Igor V. Zubov⁴, Irina V. Pchelovodova⁵

^{1, 2} Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

³ M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory
Novosibirsk, Russian Federation

⁴ Research Institute of the Humanities
Saransk, Russian Federation

⁵ Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Udmurt Federal Research Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk, Russian Federation

¹ pashahoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2023-8185>

² zhimul@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5135-865X>

³ nleonova53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9350-8265>

⁴ komoro@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2836-7969>

⁵ orimush@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5553-0100>

Abstract

The paper discusses some concepts associated with the thematic areas “nature”, “birds”, “animals” from the point of view of the special features of their implementa-

tion in the song folklore of peoples of the Volga region (Mordvins-Erzya, Mordvins-Moksha, Udmurts and Chuvash) autochthonous and Siberian existence. The work is based on a selection of song folklore samples Posted in the Atlas of Sounding Folklore Texts (URL: <https://folkmap.philology.nsc.ru>). The selection was made using a thematic filter on the map and a full-text search Instrument. We found of a characteristic feature of the poetic form of songs, associated with the formation of triple and double rows. This is due, among other things, to the use of a stepwise narrowing of the image. The paper describes the poetic means used to define concepts. We have established the methods of forming cultural meanings associated with the use of comparative and definitional constructions. Our results allow us to determine the perspectives for further development of a complex study of multilingual poetics of song folklore.

Keywords

song folklore, poetics, peoples of the Volga region, autochthonous existence, Siberian existence, folklore atlas

For citation

Shakhov P. S., Ismagilova E. I., Leonova N. V., Zubov I. V., Pchelovodova I. V. On the Study of the Poetics of Song Folklore of Peoples of the Volga Region (Based on the Experimental Atlas of Sounding Texts). *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2025, no. 1, pp. 409–429. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-409-429

В рамках реализации научного проекта, посвященного изучению фольклора народов Поволжья сибирского бытования (мордвы, удмуртов и чувашей) в сопоставлении с «материнскими» фольклорными традициями (местами выхода сибирских переселенцев)¹, с 2019 по 2024 г. была проделана многоплановая работа, связанная с формированием разновременной и разнорегиональной источниковой базы. Для этого исполнителями проекта были проведены полевые исследования современного состояния сибирских и поволжских фольклорных традиций, архивные разыскания (в государственных фондах и личных коллекциях), осуществлена работа по оцифровке и отбору необходимых аудио- и рукописных материалов, сформирова-

¹ Проект РНФ № 19-78-10113 «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов» был реализован на базе ИФЛ СО РАН при непосредственном участии специалистов из Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки и крупных поволжских научных центров: НИИГН (Саранск), УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск) и ЧГИГН (Чебоксары).

ны двуязычные корпуса фольклорных текстов на национальных языках и в русском переводе по исследуемым традициям. По результатам исследований опубликован цикл статей, посвященных различным аспектам описания и изучения сибирских фольклорных традиций².

Экспериментальный фольклорный атлас

Сопутствующим результатом по проекту стал электронный ресурс открытого доступа «Атлас звучащих фольклорных текстов»³, где представлено 225 фольклорных текстов (4 373 поэтические строки) в ранних (с 1970-х гг.) и современных записях, распределенных между этносами и регионами (Сибирь, Поволжье) (см. таблицу).

Количество песенных образцов в фольклорном атласе
Number of songs in the folklore atlas

Этнос		Количество образцов	Регион	
			Поволжье	Сибирь
Мордва	мокша	43	21	22
	эрзя	44	35	9
Чуваши		70	35	35
Удмурты		68	34	34
Всего		225	125	100

Каждый фольклорный текст приводится на языке оригинала (эрзянском, мокшанском, удмуртском, чувашском) с параллельным переводом на русский язык и сопровождается аудиозаписью. Тексты снабжены разнообразной информацией, включающей: 1) сведения общего характера (этнос, язык, место записи, исполнители, собиратели, год записи, место хранения источника, номер коллекции); 2) контекстные данные (жанр, эт-

² В том числе мордвы-мокши Красноярского края [Шахов и др., 2022], мордвы-эрзи Кемеровской области [Шахов и др., 2023; 2024], красноярских [Пчеловодова и др., 2021], томских [Пчеловодова и др., 2022] и кемеровских [Анисимов и др., 2024] удмуртов, чувашей Кемеровской [Исмагилова, Федотова, 2022а], Омской [Исмагилова, Федотова, 2022б] и Иркутской [Исмагилова и др., 2024] областей.

³ URL: <https://folkmap.philology.nsc.ru/>.

нографический комплекс, тематика); 3) аналитические характеристики (структура стиха, музыкально-поэтическая композиция, фактура, слоговая музыкально-ритмическая форма и др.); 4) сведения о песенных вариантах; и пр.

Отдельные параметры доступны в качестве фильтров на интерактивной карте. Геометка на карте показывает место фиксации фольклорного текста, цветом обозначен этнос и добавлена информация о количестве представленных образцов, записанных в данном населенном пункте. При выборе какого-либо параметра из перечня фильтров на карте остается определенная комбинация геометок, к которым прикреплены соответствующие тексты.

Спецификой этого атласа, как и любого другого сетевого ресурса с изменяемым контентом, является его открытый характер, предполагающий в перспективе добавление новых фольклорных материалов, расширение географических и этнических ареалов, а также разработку новых параметров описания и оптимизацию пополняемой базы аналитических данных.

Разнообразные фильтры на карте необходимы для поиска текстов по различным параметрам, в том числе для различных категорий пользователей. Для этого также реализована возможность полнотекстового поиска, который осуществляется по заголовкам и поэтическим текстам на национальных и русском языках.

Тематика – один из параметров поиска. Перечень тематических рубрик представляет собой линейный список более чем из 60-ти наименований, выстроенных в алфавитном порядке (для маркировки размещенных в атласе текстов пока использовано только 48 позиций). Простота данного инструмента заключается в том, что метки тематической классификации добавляются редакторами к фольклорным образцам и представляют собой набор тегов, которые отражаются в тематическом фильтре на карте.

Тематика песни представляется наиболее обобщенной сферой для первичного анализа поэтического текста, состоящего из различных единиц поэтической системы: образов, мотивов, формул и др. Проблемы тематической классификации песенного фольклора в данной работе рассматриваются в контексте решения комплексных задач по изучению песенной поэтики с учетом опыта отечественной фольклористики, в том числе работы, выполненной на разнонациональном материале под руководством Виктора Михайловича Гацака [Алиева и др., 1977], посвященной систем-

но-аналитическому изучению исторической поэтики народных песен⁴. В процессе исследования были выделены общеродовые жанровые признаки, проявляющиеся на разных стадиях развития, и специфические историко-эволюционные, межэтнические и конкретно-национальные черты песенной поэтики.

Не ставя перед собой подобных задач в полном объеме, предварительно наметим перспективы дальнейшего исследования поэтики песенного фольклора на материале народов Поволжья автохтонного и сибирского бытования, размещенного в «Атласе звучащих фольклорных текстов». Осуществив выборку разнонационального материала (мордовского, чувашского и удмуртского) с помощью тематического фильтра на карте и полнотекстового поиска, охарактеризуем особенности реализации в песенном фольклоре некоторых понятий, относящихся к тематическим сферам «о стихиях», «о природе», «о птицах», «о животных»⁵.

Понятия и их определения

Анализируя формы употребления стихии «огонь» в песенном фольклоре, отметим некоторые особенности. Так, в удмуртской песне «Геры но кутон киёсы вал но» (Руки мои были для того, чтобы плуг держать), записанной в Томской области, относящейся к жанру неприуроченной лирики с поджанровым определением «песня уезжающего в Сибирь» (*Сибырэ кошкисьлэн кырҙанэз*), стихия «огонь» сопряжена с одним из явлений природы «ветром» и встраивается в триаду «**дорога (сюрес)** – **ветер (тёл)** –

⁴ В результате изучения разноязычной песенной поэтики, которая определяется как совокупность и интенсивность проявлений художественного отношения песни к действительности, на материале 236 лирических песен необрядового характера (якутских, адыгских, молдавских, украинских и русских), включающих по 1 000 поэтических строк на каждую национальную серию, последовательно выявлены сферы определяемых в песнях понятий, предложена типология их определений, проанализирована фактура понятий и поэтических определений в ее частотности и художественной типизированности, установлены связи эпитета с контекстом.

⁵ Следует отметить, что в песенном фольклоре (даже в рамках одного текста) лексика, обозначающая стихии, может употребляться вместе со словами, обозначающими явления природы / погоды, а лексика природного ландшафта (локусы) естественным образом взаимосвязана с лексикой флоры и фауны.

огонь (*тыл*)». Каждый элемент триады сопоставляется со страданием (*куректон*) человека ⁶.

1. Э, тинь та **сюрес**, мар сюрес та кузя,
Некытын но пумыз өвёл.
Э, та **куректон**, мар куректон таёе,
Неку но пумыз но өвёл.
 2. Э, тинь та **тёл**, ма тёл таёе төлаське,
Бадьпу ньөрёсты ик сэзья.
Э, та **куректон**, мар куректон та,
Тёлын но уг ик төлатья.
 3. Э, та **тыл**, ма та тыл жуа,
Вуэн кичкатэк уг кысы.
Э, та **куректон**, ма та куректон таёе,
Вуэн кичкаса но уг кыс.
-
1. Эх, эта **дорога**, что за длинная дорога,
Нигде конца ее не видно.
Эх, это **страдание**, что за страдание такое,
Никогда конца ему не будет.
 2. Эх, этот **ветер**, почему он так сильно дует,
Раскачивает ветки ивы.
Эх, это **страдание**, что за страдание такое,
Даже по ветру не развеивается.
 3. Эх, этот **огонь**, почему он так горит,
Даже водой не потушить.
Эх, это **страдание**, что за страдание такое,
Даже водой не потушить.

Качественные характеристики, определяющие понятия «дорога» (длинная, конца не видно), «ветер» (сильно дует, раскачивает ветки ивы) и «огонь» (водой не потушить), помогают поэтическими средствами описать внутреннее состояние человека, его страдание, связанное с отъездом в Сибирь ⁷.

⁶ Полный текст см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/ruki_moi_bili_plug_derzhat/.

⁷ В Шарканском районе Удмуртской Республики, являющемся местом выхода томских переселенцев, данная песня бытует как песня проводов рекрута (*некрут келян кырзан*). Однако в песенных вариантах коренной традиции отсутствует описание страдания, см., например: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/nogi_moi_bili_po_borozde_hodit/.

В чувашской лирической песне позднего происхождения «Кăвик-кăвик кăвакарчăн» (Кавик-кавик голубь)⁸, записанной в Кемеровской области, «огонь» (*вут*) также используется для метафорического описания внутреннего состояния⁹:

Кăвик-кăвик кăвакарчăн,
Ма вёшетён эс пёччен?
Мён шыратан ирён-кашан
Кăвак пёлёт тупинче?

Кавик-кавик голубь,
Почему ты летаешь один?
Что ищешь по утрам и вечерам
В тучах неба голубого?

Ах, вёшетёп, эп йёретёп –
Вут сунать ман ашăмра.
Хурчăка тытса аркатрё
Манан савнă мăшăра.

Ах, летаю, я плачу –
Огнем горит у меня внутри.
Ястреб поймал, разорвал
Моего любимого.

В мордовских неприуроченных песнях, размещенных в Атласе, можно встретить упоминание огня в прямом смысле (непосредственное изображение). Например, в эрзя-мордовской песне «Маштнить, авакай, трямом-ванномам» (Смогла, матушка, меня вырастить-воспитать) огонь завершает балладный сюжет о жене вора¹⁰:

Чопуда вирев сон ускокшнызе, ды,
Покш полянав сон сявордокшнызе.
Покш полянасо, ды, кирвазтекшнызе.
Менель ёжова, ды, тусь качамозо.
Ней чувтонь сэрсьэ, ды, ульнесь толозо.
В темный лес он отвез, да,
На большой поляне он свалил.
На большой поляне, да, поджег.
До неба, да, пошел дым.
Вышиной с дерево, да, был огонь.

В сибирском варианте песни произошла жанровая трансформация от рекрутской к песне переселенцев, в поэтическом тексте которой семантика страдания усилилась за счет появившегося параллелизма с длинной бесконечной дорогой, сильно дующим ветром, не тушимым огнем.

⁸ Кăвик-кăвик – подражание крику голубя.

⁹ Полный текст см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/kavik_kavik_golub/.

¹⁰ Жена вора узнает в украденном вещи своей родни и просит сжечь награбленное на большой поляне в темном лесу. Полный текст (Чамзинский район Республики Мордовия) см.:

https://folkmap.philology.nsc.ru/song/smogla_matushka_menya_virastit_vospitat/.

В лирических мордовских песнях встречается использование огня в качестве метафоры для описания внешнего облика и характера человека: 1) в эрзянской песне «Кавто чинеть, кавто венеть он брединь» (Два денечка, две ноченьки сон видела)¹¹ сноха описывается как ‘огонь молнии’ (*тол ёндолонь*) в значении ‘тонкая, худая’; 2) в мокшанской песне «Ягоронь Лису» (Егорова Лису)¹² ‘как огонь’ (*толбандя эсь*) характеризуется молодой танцующий парень.

Водная стихия часто упоминается в ряду других, в том числе водных (река), объектов природы, при этом часто используется традиционная форма тройного сужения образа. Так, в записанной в Кемеровской области эрзя-мордовской лиро-эпической песне «Ой, верьга, верьга» (Ой, высоко, высоко)¹³, построенной в форме диалога с птицами (журавлям и утками), выстраивается ряд природных локусов «**луг – вода – песок**», где птицы будут есть, пить и отдыхать.

1. Ой, верьга, верьга ливтить **индуркат**,
Седеяк верьга ливтить **яксоркат**.
 2. – Ой, козонь, козонь валгат ярцаму?
– **Пижи луга** лангс валганы ярцаму.
 3. – Ой, козонь, козонь валгат симиму?
– **Валды вядинь** ланкс валганы симиму.
 4. – Ой, козонь, козонь валгат оймаму?
– **Аши песок** лангс валга[н] оймаму.
-
1. Ой, высоко, высоко летят **журавли**,
Ещё выше летят **утки**.
 2. – Ой, куда, куда сядешь есть?
– На **зелёные луга** сяду есть.
 3. – Ой, куда, куда сядешь пить?
– Где **чистая вода**, туда сяду пить.
 4. – Ой, куда, куда сядешь отдыхать?
– На **белый песок** сяду отдыхать.

¹¹ Полный текст (Напольная Тавла, Республика Мордовия) см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/dva_denyochka_dve_nochenki/.

¹² Полный текст (Ковылкинский район Республики Мордовия) см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/egorova_lisu/.

¹³ Текст см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/oi_visoko_visoko/.

В песенном тексте птицы получают сакральную характеристику¹⁴ за счет связанных с ними природных локусов и качественных прилагательных: зеленые луга (*пужи луга*), чистая вода (*валды вядинь*), белый песок (*аши песок*).

В песне «Вай, луга, луга, луга зелянай» (Ой, луг, луг, зеленый луг), зафиксированной от мордвы-эрзи¹⁵, выстраивается схожий тройной поэтический ряд с двучленными эпитетами «[зеленый] **луг** – [шелковая / растущая] **трав**а – [цветущие] **цв**еты», которые расширяются до так называемых «сочетаний тройного состава», включающих поясняемое понятие с двумя определениями [Алиева и др., 1977, с. 77]: ростки пырея растущая трава (*усьбурикэзэ касы тикшеза*), цветок купальницы цветущие цветы (*горнипов цецясь цвети цвезяз*).

В сибирском варианте мокша-мордовской песни «Ой, лугат, лугат, сеньгере лугат» (Ой, луга, луга, зеленые луга)¹⁶ выстраивается следующий топонимический ряд: «**луг** – **река** – **вода**». В тексте песни дано описание природного ландшафта и водной стихии, при этом используются качественные прилагательные «сочно-зеленый / большой луг», «широкая река», «холодная вода» с добавлением наречия превосходной степени «очень»: «луг очень большой» (*лугась пек оцю*), «река очень широкая» (*речкась пек кили*), «вода очень холодная» (*видяц пек кельме*)¹⁷. По лугу идут две девушки и молодые парни, за ними борзые собаки, на плечах ружья. При поиске вариантов этой песни на «материнской» территории удалось обнаружить, что в сибирском тексте сохранились лишь элементы сюжета, связанные с описанием природного пространства и персонально-атрибутивной номинацией, которые, по всей видимости, являются вариантами сюжетных звеньев традиционного песенного цикла «парень и змей», к которому относятся песни, построенные на эпизоде встречи охотника / охот-

¹⁴ Утка (эрз. 'яксярго') имеет особый статус в культуре финно-угорских народов; она встречается в космогонических легендах, ритуалах семейного цикла, сказочных сюжетах, а также в этнографических реалиях, включая вышивку, резьбу по дереву и др.

¹⁵ Полный текст (Большеберезниковский район Республики Мордовия) см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/oi_lug_lug/.

¹⁶ Полный текст (Каратузский район Красноярского края) см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/oi_luga_luga/.

¹⁷ По мнению исследователей, увеличительные формы в целом не характерны для песенной лирики и встречаются крайне редко [Алиева и др., 1977, с. 80].

ников с водяным змеем / драконом, умоляющим спасти его – вытащить из воды (подробнее об этом см. [Шахов и др., 2022, с. 175]).

В приведенном примере «очень широкая река» и «очень холодная вода» выступают маркерами лиминального пространства. Так и в мокшанских свадебных песнях, записанных в Алтайском крае, природный локус «болото» сопряжен с хтоническим существом «чертом» и даже с телесным низом. Невесту в доме жениха запирают в темном чулане, а родственники жениха, исполняя корильные песни, сопровождают ударом в дверь каждый слог песенного текста. В корильных песнях обращаются к молодой снохе: «ты в бане на болоте» (*шййбанясат*), «под чертом» (*шайтантть алат*)¹⁸

Мольсть кудатне, ървянякай, ашат кудса.
Ашат кудса, ървянякай, шййбанясат.
Шййбанясат, ървянякай, шайтантть алат.

Пришли сваты, сношенька, тебя нету дома.
Тебя нету дома, сношенька, ты в бане на болоте.
Ты в бане на болоте, сношенька, под чертом.

В целом обрядовый фольклор следовало бы рассматривать отдельно от лирики в связи с особенностями поэтики обрядовых жанров, но наличие в свадебных текстах лексики объектов природы, флоры и фауны позволяет частично учесть их в данной работе. Так, в свадебных песнях присутствуют описания природного пространства, откуда приехали сваты. В мокшамордовских песнях с конечным неперевоодимым рефреном «Кивась!», исполняемых родственниками невесты, упоминаются «овраги» и «горы», при этом может использоваться корильная ритуальная лексика¹⁹:

Не кудатне коста сайхть,	Эти сваты откуда едут,
Не кудатне коста сайхть?	Эти сваты откуда едут?
Лоткыва, пандыва,	По оврагам, по горам,
Кафтэ панды ёткыва.	Между двумя горами.
Кивась!	Кивась!

¹⁸ Полный текст (Залесовский район Алтайского края) см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/prishli_svati/.

¹⁹ При корильном песенном варианте топоним «гора» (*пандо*) может быть заменен на схожее по звучанию слово из интимного лексикона, обозначающее «женское лоно» (пада): «Кафта пада ёткова» (Между двумя п...). Подробнее см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/eti_svati_otkuda_edut/.

В томском варианте удмуртской свадебной песни, исполняемой родственниками жениха в доме невесты, «Мыним ик, мыним ик» (Приехали ведь, приехали ведь) описывается путь поезжан через природные локусы (**река – обрыв – лес**), дается звукоподражательная характеристика диких птиц (**глухарь, рябчик**) и животных (**белка**) встречающихся на пути ²⁰.

1. Мыним ик, мыним ик, шур дуртйз ик, яр дуртйз,
Докъяез ик «кот-кот» карылйз.
 2. Мыним ик, мыним ик бадь ултйз ик, бадь ултйз,
Сялаез ик «чик-чик» карылйз.
 3. Мыним ик, мыним ик сик ултйз ик, сик ултйз,
Коньяез ик «тю-тю» карылйз.
-
1. Приехали ведь, приехали ведь вдоль реки, вдоль обрыва,
[Где] Аж глухарь «кот-кот» затоковал.
 2. Приехали ведь, приехали ведь под ивами, под ивами,
[Где] Аж рябчик «чик-чик» насвистывал.
 3. Приехали ведь, приехали ведь через леса, через леса,
[Где] Аж белка «тю-тю» зашебетала.

Образы диких животных и нетронутой природы раскрывают древнюю мифологическую сущность участников свадебного поезда как представителей иного мира ²¹.

Возвращаясь к песенной лирике, важно отметить, что многие природные явления, получая качественную характеристику, в сопоставлении с миром человека становятся семантически значимыми, включаются в осмысление действительности. Так, в чувашской песне подобную функцию выполняют природные локусы «лес», характеризующийся как место жиз-

²⁰ Полный текст (Чаинский район Томской области) см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/priehali_ved_priehali_ved2/.

²¹ В «материнском» варианте этой песни (Шарканский район Удмуртской Республики), см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/priehali_ved_priehali_ved/, в большей степени описывается «окультуренное» природное пространство и предметно-акциональные атрибуты земледельческих образов, связанные с трудом человека (через цветущие **луга** / у косарей **косы** «жин-жин» звонко звенели; через цветущую **рожь** / у жнецов **серпы** «реж-куаж» звонко звенели; через зеленый **лес** / **птицы** «чир-чир» звонко пели), что может свидетельствовать о более позднем их появлении. Томский и шарканский варианты объединены общей поэтической формой и элементами поэтики (звукоподражание).

ни и деятельности, и «река», течение которой сопоставляется с невозвратимой молодостью²².

Эпир пура́натпа́р Сурáм вáрман[ён]че,
Ҫырла татса, ҫырла сотти туса.
Юхатъ юханшыв, юхмасть вáл тáвалла,
Иртет яш ёмёр, килмест вáл каялла.

Мы живем в Сормовском лесу,
Собирая ягоды, занимаясь продажей ягод.
Течет река, не течет она в гору,
Проходит молодость, не вернется она назад.

Тема молодости широко представлена в лирических песнях, в которых в сравнительных оборотах часто используются образы растений и ягод для описания молодой девушки:

1) в удмуртской песне «Вож бадяр, ой, кадь» (Словно, ой, зеленый клен)²³: зеленый клен – молодое тело, сосновые ветви – руки, алая костяника – щеки, черная смородина – глаза, желтый лен – волосы, чипчирган (музыкальный инструмент) – голос;

2) в эрзя-мордовской песне «Иванонь Матря» (Иванова Матря)²⁴: стройная березка – высокий рост / фигура, садовое яблочко – лицо, черные ягоды черемухи – глаза, цветы черемухи – брови, маковые листы – губы, восходящее солнце – ленты, пылающая заря – фата.

Поэтические образы спелых ягод подчеркивают скоротечность молодости в чувашской хороводной песне «Ҫámха ывáтрам ҫýлелле» (Вверх подкинула я мячик)²⁵: срывают клубнику, когда она созреет / пришли на гуляние – вставайте в хоровод / черная-черная смородина поспевает сегодня / мы прощаемся с девичьим хороводом сегодня.

В песенном фольклоре поэтический образ какого-либо природного явления очень часто включается в сопоставительную систему природного и социального. Продолжая рассматривать образ леса, отметим, что эта ло-

²² Полный текст (Красноармейский район Чувашской Республики) см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/mi_zhivem_v_sormovskom_lesu/.

²³ Полный текст (Чаинский район Томской области) см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/slovno_oi_zelyonii_klyon/.

²⁴ Полный текст (Чамзинский район Республики Мордовия) см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/ivanova_matrya/.

²⁵ Полный текст (Канашский район Чувашской Республики) см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/vverh_podkinula_ya_myachik/.

кация широко представлена чувашскими материалами – в хороводных²⁶, гостевых²⁷ и лирических песнях. В последних также появляется древесный код, при этом образный параллелизм позволяет выстроить некоторую связь между явлениями природы (**лес** – **липа** – **дуб**) и социальным миром (посиделки – светловолосая девушка – светловолосый парень): в лес пошел поискать липу, встретил липу рядом с дубом / пошел на посиделки светловолосую девушку увидеть, она стояла рядом со светловолосым парнем²⁸.

Объекты природы могут получать семантическую нагрузку посредством образно-сопоставительного параллелизма или же напрямую, как в эрзя-мордовской лирической песне «Мадинь удынь, а урякай» (Легла, спала я, невестушка), в которой девушка рассказывает свой сон и получает его прямую трактовку. **Береза**, приснившаяся девушке, характеризуется с помощью поэтических средств (ступенчатое сужение образа; двойные и тройные эпитеты; диминутивы и увеличенные формы): [большое] *поле* – [красивенький / зелененький] *дуг* – [земляная] *кочка* – [белая, не высокая, не широкая, обычненькая] *березка* – [во всю ширь земли] *корни* – [до неба] *ветви* – [шумом шумят] *листочки* – [хлопками хлопают] *сережки*. В объяснении сна оказывается, что кочка – это *супруг*, береза – *сама девушка*, ветки – *дети* и т. д.²⁹ Таким образом, береза, почитаемая в мордовской культуре как священное дерево, в песенной лирике получает новые смысловые оттенки.

В ряде песен к древесному коду добавляется орнитологический. Так, в чувашской лирической песне противопоставляются два образа – «сад

²⁶ Чувашская хороводная песня «Сăмър килет хуралса, та» (Северный район Новосибирской области): Дождь надвигается, темнея, / Обеляя край **леса** / Игрище приближается, играя, / Наполняя главную улицу. Полный текст см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/dozhd_nadvigaetsya_temneya/.

²⁷ Чувашская гостевая песня «Сĕтел пулатъ ялан тăваткал» (Красноармейский район Чувашской Республики): Стол бывает всегда четырехугольный, / Ножек бывает всегда четыре. / Темный **лес**, Сормовский лес. / Рядом с Сормовским лесом наши родственники. Полный текст см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/stol_bivaet_vsegda_chetirehugolnim/.

²⁸ Текст чувашской лирической песни «Юри те карăм вăрманне» (Большемуртинский район Красноярского края) см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/spetsialno_v_les_poshel/.

²⁹ Один из поволжских вариантов песни (Кочкуровский район Республики Мордовия) см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/legla_spala_ya_nevestushka/.

отца» (*атте пахчи*) с карканьем ворона и «сад матери» (*апай пахчи*) с пением соловья³⁰:

1. Атте пахчи, **юман пахчи** –
Юман пахча, **ѣхан сасси**.
Кѣрес килмест ман пахчана –
Илтес килмест ѣхан сасси.
2. Апай пахчи, ай, **сад пахчи** –
Кѣрес килет ман пахчана.
Илтес килет **шӑпчӑк сасси** –
Тухас килмест ман пахчаран

1. Отцовский сад, **дубовый сад** –
Дубовый сад, **карканье ворона**.
Не хочется мне заходить в [этот] сад –
Не хочется слышать карканье ворона.
2. Сад матери, ай, **сад сад** –
Хочется мне заходить в [этот] сад.
Хочется слышать **песню соловья** –
Не хочется мне выходить из [этого] сада.

Любопытно, что соловей в материалах атласа пока встречается только в чувашском и удмуртском национальных корпусах. В чувашских и удмуртских свадебных песнях поющий соловей является неотъемлемым атрибутом родительского дома. В удмуртской песенной лирике образ соловья помогает передать тяжелое состояние одиночества сироты. В одном из таких песенных образцов описываются поющие птицы (**соловей, снегирь, кукушка**), противопоставляется пение жаворонка и человека (**жаворонок** поет по своему желанию / ради подруги – мы поем от печали, от того, что у нас нет отца-матери)³¹:

³⁰ Текст чувашской песни (Красноармейский район Чувашской Республики) см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/ottsovskii_sad_dubovii_sad/.

³¹ Текст удмуртской песни (Шарканский район Удмуртской Республики) см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/solovei_zapoet_snegir_zaplachet/.

Уёйед чирдоз, шушыед бёрдоз, Сикын кикиед сильылоз. Сикын кикиед сильылоз.	Соловей запоеет, снегирь заплачет, В лесу кукушка закукует. В лесу кукушка закукует.
Бусые потод калгыны шуса, Тюрагай куараез кылзыны. Тюрагай куараез кылзыны.	Выйдешь в поле пройтись, Послушать щебетание жаворонка. Послушать щебетание жаворонка.
Тюрагай кырза эсепеныз, Ми кырзаськомы кёт жожен. Ми кырзаськомы кёт жожен.	Жаворонок поет по своему желанию, Мы поем от печали. Мы поем от печали.
Милям кётмы марлы куректэ? Мумымы-бубымы өвёлэн. Мумымы-бубымы өвёлэн.	Почему мы печалимся? От того, что нет у нас матери-отца. От того, что нет у нас матери-отца.

В сибирском варианте этой песни есть строки текста, объясняющие отсутствие родителей: мать умерла, отец в солдатах ³².

Выводы и перспективы исследования

В результате анализа песенных текстов на предмет выявления понятий рассматриваемых тематических сфер, удалось установить одну из характерных особенностей поэтической формы песен, заключающейся в выстраивании тройных рядов (дорога – ветер – огонь; луг – вода – песок; луг – трава – цветы; луг – река – вода; лес – липа – дуб; река – обрыв – лес; глухарь – рябчик – белка), в меньшей степени двойных (лес – река; овраги – горы; ворон – соловей), в том числе с использованием ступенчатого сужения образа. Объекты природы получают качественные характеристики посредством использования традиционных поэтических приемов: диминутивов (в меньшей степени – увеличенных форм), эпитетов, в том числе двучленных и расширенных до сочетаний тройного состава, включающих поясняемое понятие с двумя определениями.

Природные явления, получая качественную характеристику, в сопоставлении с миром человека, становятся семантически значимыми, включаются в процесс осмысления действительности. Поэтические образы при-

³² Текст удмуртской песни (Чаинский район Томской области) см.: https://folkmap.philology.nsc.ru/song/solovei_zapoet_snegir_zaplachet2/.

роды, флоры и фауны включаются в сопоставительную систему природного и социального, что является одним из механизмов формирования и развития поэтической системы фольклора. При этом понятия из разных тематических групп дополняют друг друга: природному локусу сопутствуют образы деревьев, которые могут усиливаться орнитологическим или другим кодом.

Объекты природы в основном получают семантическую нагрузку посредством образно-сопоставительного параллелизма или же напрямую с использованием сравнительных или определительных конструкций.

В песенных текстах стихии или природные явления могут иметь разные формы выражения: непосредственное изображение, характеристика внешнего облика или внутреннего состояния человека.

Из краткого анализа заметно, что топоним «лес» – важнейший в ряде чувашских песен разных жанров, появляющийся при сопоставительной характеристике социокультурно значимых явлений (посиделки молодежи, главная улица, традиционные виды деятельности, родственные отношения). Топонимы «луг» и «поле» чаще встречаются в мордовских и удмуртских песнях.

Образы природы, птиц, животных в песенном фольклоре могут выполнять функцию определения границ социальных и культурных явлений: холодная река, вода, болото – мир хтонических существ, маркеры лиминального пространства (мокша); дикая природа, дикие птицы и животные – характеристика поезжан как представителей другого мира (удмурты); липа, дуб / ворон, соловей – гендерные и родовые границы (чуваш, удмурты); спелые ягоды – символ окончания молодости (чуваш). В песенных текстах встречаются образы деревьев, растений и птиц, имеющих мифологические корни: утка, береза и др. (эрзя).

Тематический анализ песенных текстов представляет собой один из методов выявления и раскрытия культурных кодов фольклорной традиции. Понятия, относящиеся к явлениям природы, флоры, фауны, выделяемые в песне с помощью разнообразных поэтических средств, становятся смыслоносущими в конкретных фольклорных произведениях. Базовые, природные характеристики явлений природы подчеркиваются культурными смыслами, которые, в свою очередь, обогащаются метафорически.

Последующая систематизация песенных текстов может пойти по пути выделения мотивов (формул, сюжетно-мотивных комплексов) на основе определенных исследовательских подходов (морфологического, семанти-

ческого, функционального), создания указателей поэтических формул, мотивов.

Составление на полиэтническом материале такого указателя, разработанного по общим принципам, будет способствовать дальнейшей разработке программы исследования поэтики разноязычного песенного фольклора. Актуальность этого направления также обусловлена наличием закономерностей формирования и развития музыкально-поэтических систем, которые образуют историко-культурные области, не совпадающие с границами известных языковых союзов [Кондратьев, 2020, с. 16].

При решении поставленных задач также необходимо рассмотреть возможность использования современных корпусных методов анализа, в том числе методов подготовки автоматизированного конкорданса (списка словоупотреблений с отсылкой ко всем контекстам), который может стать источником надежного эмпирического материала и перспективной базой современного филологического исследования разноязычной песенной поэтики.

Список литературы

Алиева А. И., Астафьева Л. А., Гацак В. М., Кирдан Б. П., Пухов И. В. Опыт системно-аналитического исследования исторической поэтики народных песен // Фольклор. Поэтическая система. М.: Наука, 1977. С. 42–105.

Анисимов Н. В., Софронова Е. А., Пчеловодова И. В. Музыкально-фольклорная традиция ярких удмуртов автохтонного и сибирского бытования: современное состояние // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 9–22.

Исмагилова Е. И., Леонова Н. В., Федотова Е. В. По следам одного чувашского текста: от Иркутской области до Дуная // Критика и семиотика. 2024. № 1. С. 398–414.

Исмагилова Е. И., Федотова Е. В. Тема разлуки в песенном фольклоре чувашских переселенцев Кемеровской области // Критика и семиотика. 2022а. № 2. С. 241–257.

Исмагилова Е. И., Федотова Е. В. К проблеме сравнительных исследований материнской и диаспорной фольклорных традиций (на примере чувашского музыкального фольклора) // Проблемы музыкальной науки. 2022б. № 2. С. 137–146.

Кондратьев М. Г. О теории национальной музыки: к методологии сравнительного изучения фольклорных музыкально-поэтических систем // Проблемы музыкальной науки. 2020. № 4. С. 8–19.

Пчеловодова И. В., Анисимов Н. В., Софронова Е. А. Музыкально-песенный фольклор переселенческой традиции удмуртов Красноярского края // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 31–49.

Пчеловодова И. В., Анисимов Н. В., Софронова Е. А. Песенная традиция сибирских удмуртов в исторической динамике (на материале экспедиционных записей 1974, 2001, 2003, 2006 гг.) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 1 (35). С. 157–171.

Шахов П. С., Zubov И. В., Леонова Н. В. Мокшанский песенный фольклор Красноярского края и Республики Хакасия (к вопросу о соотношении автохтонных и переселенческих фольклорных традиций) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 166–182.

Шахов П. С., Zubov И. В., Леонова Н. В. Песенный фольклор мордвы-эрзи Кемеровской области в разновременных записях (календарные и круговые песни, свадебные песни и причитания) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 17, № 2. С. 229–244.

Шахов П. С., Zubov И. В., Леонова Н. В. Фольклор мордвы-эрзи Кемеровской области в контексте автохтонной традиции (неприуроченные песни с мифологическими и сказочными сюжетами) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2024. Т. 18, № 2. С. 193–206.

References

Alieva A. I., Astafeva L. A., Gatsak V. M., Kirdan B. P., Pukhov I. V. Opyt sistemno-analiticheskogo issledovaniya istoricheskoi poetiki narodnykh pesen [The experience of systematic and analytical research of historical poetics of folk songs]. In: Fol'klor. Poeticheskaya Sistema [Folklore. The poetic system]. Moscow, Nauka, 1977, pp. 42–105. (in Russ.)

Anisimov N. V., Sofronova E. A., Pchelovodova I. V. Muzykal'no-fol'klornaya traditsiya yarskikh udmurtov avtokhtonogo i sibirskogo bytovaniya: sovremennoe sostoyanie [Musical and folklore tradition of the Yar Udmurts of autochthonous and Siberian existence: current state]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 9–22. (in Russ.)

Ismagilova E. I., Fedotova E. V. Tema razluki v pesennom fol'klоре chuvashskikh pereselentsev Kemerovskoi oblasti [The Theme of Separation in the

Song Folklore of the Chuvash Settlers of the Kemerovo Region]. *Critique and Semiotics*. 2022, no. 2, pp. 241–257. (in Russ.)

Ismagilova E. I., Leonova N. V., Fedotova E. V. Po sledam odnogo chuvashskogo teksta: ot Irkutskoy oblasti do Dunaya [In the Footsteps of one Chuvash Text: From the Irkutsk Region to the Danube]. *Kritika i Semiotika* [*Critique and Semiotics*], 2024, no. 1, pp. 398–414. (in Russ.)

Ismagilova E. I., Fedotova E. V. K probleme sravnitel'nykh issledovaniy materinskoi i diaspornoi fol'klornykh traditsii (na primere chuvashskogo muzykal'nogo fol'klora) [Concerning the problem of maternal and diaspora folklore traditions comparative studies (with chuvash musical folklore samples)]. *Music Scholarship*, 2022, no. 2, pp. 137–146. (in Russ.)

Kondratyev M. G. O teorii natsional'noi muzyki: k metodologii sravnitel'nogo izucheniya fol'klornykh muzykal'no-poeticheskikh sistem [About the theory of national music: towards a methodology of comparative study of musical and poetic folklore systems]. *Music Scholarship*, 2020, no. 4, pp. 8–19. (in Russ.)

Pchelovodova I. V., Anisimov N. V., Sofronova E. A. Muzykal'no-pesennyi fol'klor pereselencheskoi traditsii udmurtov Krasnoyarskogo kraia [Song folklore of the resettlement tradition of the Udmurts of the Krasnoyarsk region]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2021, no. 2, pp. 31–49. (in Russ.)

Pchelovodova I. V., Anisimov N. V., Sofronova E. A. Pesennaya traditsiya sibirskikh udmurtov v istoricheskoi dinamike (na materiale ekspeditsionnykh zapisei 1974, 2001, 2003, 2006 gg.) [The song tradition of the siberian udmurts in historical dynamics (based on expedition materials of 1974, 2001, 2003, 2006)]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2022, iss. 1 (35), pp. 157–171. (in Russ.)

Shakhov P. S., Zubov I. V., Leonova N. V. Mokshanskii pesennyi fol'klor Krasnoyarskogo kraia i Respubliki Khakasiya (k voprosu o sootnoshenii avtokhtonnykh i pereselencheskikh fol'klornykh traditsii) [Moksha song folklore of the Krasnoyarsk Krai and the Republic of Khakassia (on the relationship between autochthonous and migratory folklore traditions)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2022, no. 3, pp. 166–182. (in Russ.)

Shakhov P. S., Zubov I. V., Leonova N. V. Pesennyi fol'klor mordvy-erzi Kemerovskoi oblasti v raznovremennykh zapisyakh (kalendarnye i krugovye pesni, svadebnye pesni i prichitaniya) [Erzya mordvin folklore songs recorded in different periods in Kemerovo oblast (calendar and circle songs, wedding

songs and lamentations)]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 2023, vol. 17, iss. 2, pp. 229–244. (in Russ.)

Shakhov P. S., Zubov I. V., Leonova N. V. Fol'klor mordvy-erzi Kemerovskoi oblasti v kontekste avtokhtonnoi traditsii (nepriurochennye pesni s mifologicheskimi i skazochnymi syuzhetami) [Erzya-mordovian folklore of the Kemerovo oblast in the context of the autochthonous tradition (songs performed at any time with mythological and tale plots)]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 2024, vol. 18, iss. 2, pp. 193–206. (in Russ.)

Информация об авторах

Павел Сергеевич Шахов, кандидат искусствоведения

Екатерина Игоревна Исмаилова, кандидат искусствоведения

Наталья Владимировна Леонова, кандидат искусствоведения

Игорь Васильевич Зубов, кандидат философских наук

Ирина Вячеславовна Пчеловодова, кандидат филологических наук

Information about the Author

Pavel S. Shakhov, Candidate of Sciences (Art Criticism)

Ekaterina I. Ismagilova, Candidate of Sciences (Art Criticism)

Natalya V. Leonova, Candidate of Sciences (Art Criticism)

Igor V. Zubov, Candidate of Sciences (Philosophy)

Irina V. Pchelovodova, Candidate of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 10.04.2025;

одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 15.04.2025

The article was submitted on 10.04.2025;

approved after reviewing on 15.04.2025; accepted for publication on 15.04.2025